ских предпосылок наблюдения, к которому как к фундаменту апеллировала позитивистская философия науки. Но и сами теоретические понятия (по той же, собственно, причине) могут быть составной частью непосредственных наблюдений. Брэндом поясняет, что напосредственное наблюдение в данном случае понимается в широком смысле, поскольку всегда уже предполагает возможность своего инференциального обоснования, но также и возможность выступить в качестве такового. Например, специально обученный физик, заметив след в пузырьковой камере, сразу сообщит о наблюдении элементарной частицы, но если потребуется, всегда будет готов обосновать свое сообщение инференциально, тогда как возможность непосредственно слышать произносимые слова, а не просто звуки, предполагает уже широко распространенную тренировку[1]. Но то же самое можно сказать и о непосредственном сообщении о собственных мыслях. Поэтому тезис Брентано идеально вписывается в миф о Джонсе, но не как философский и тем более научный тезис, а лишь как его фрагмент, т.е. как часть интуитивно закрепленного повседневного представления о мире и месте человека в нем.

[1] См.: *Sellars W*. Op. cit. P. 163–165.

Интенциональность и ментальное

Переписка Р. Чизома и У. Селларса об интенциональности

30 июля 1956 г.
Профессору Уилфриду Селларсу
Философский факультет
Университета Миннесоты
Миннеаполис 14, Миннесота

Уважаемый м-р Селларс,
большое спасибо за то, что прислали корректуру Вашего эссе «Эмпиризм и философия сознания». У меня пока не было времени прочитать его полностью и вникнуть во все детали Вашей аргументации. Однако я прочел большую часть, а остальное бегло просмотрел. Могу сразу сказать, что рукопись меня чрезвычайно заинтересовала, мы интересуемся практически одними и теми же вопросами. В основном я согласен с тем, что Вы говорите относительно «мифа данности» и об «истинности» (rightness) высказываний (statements) или утверждений (assertions). Хотя я скорее говорил бы об истинности убеждений, а не предложений – полагаю, именно в этом заключается основное различие между нами во взглядах на интенциональность.

На странице 311 Вы довольно точно сформулировали основное разногласие между нами в вопросе об интенциональности. Среди тех вопросов, которые Вы подняли на странице 319, есть следующие два: (1) можем ли мы объяснить интенциональный характер убеждений и других психологических установок, ссылаясь на определенные свойства языка; или же (2) мы должны объяснять интенциональные свойства языка, ссылаясь на убеждения и другие психологические установки? В своей статье для Аристотелевского общества[1] я отвечаю на первый вопрос отрицательно, а на второй положительно. Обратите также внимание на мою статью о Карнапе в недавно вышедшем номере «Philosophical Studies»[2]. Можно сказать, что основное различие между нами заключается именно в том, как мы относимся к этим двум вопро-

[1] *Chisholm R*. Sentences about Believing // Proceedings of the Aristotelian Society 56 (1955–1956). P. 125–148.

[2] *Chisholm R*. A Note on Carnap's Meaning Analysis // Philosophical Studies. 1955. № 6. P. 87–89.

сам. Мне также не совсем понятно, что Вы думаете об анализе «семантических высказываний» ...

С наилучшими пожеланиями,
Родерик М. Чизом

3 августа, 1956 г.
Профессору Родерику Чизому
Философский факультет
Университета Браун
Провиденс, Род Айленд

Уважаемый м-р Чизом,
Ваши дружеские замечания подтолкнули меня к тому, чтобы еще раз попытаться привлечь Ваше внимание к тем деталям моего понимания интенциональности, которые, возможно, не так заметны при первом чтении. Суть их, как мне кажется, заключается в том, что они задают точку зрения, находящуюся где-то между альтернативами, которые Вы обрисовали в своем письме. Не хотелось бы сейчас вкратце пересказывать всю сложную аргументацию из последней части моего эссе, с помощью которой я попытался обосновать такой способ анализа. Хотя, возможно, стоило бы повторить ее основные положения, чтобы подчеркнуть, до какой степени я согласен со многим из того, что Вы говорите[1].

А-1. В отличие от Райла я считаю, что осмысленные *высказывания* являются выражением внутренних эпизодов, а именно, *мыслей*, которые нельзя понимать как смешанные гипотетико-категоричные факты, относящиеся к наблюдаемому (overt) поведению.

А-2. Я говорю о *мыслях*, а не об *убеждениях*, потому что я рассматриваю *убеждение, что р* как предрасположенность обладать *мыслью о том, что р*. Хотя все, конечно, намного сложнее. *Мысль о том, что р* является таким эпизодом, который можно назвать и *«ментальным утверждением», что р*. Иными словами, «обладать мыслью о том, что р» не равнозначно «думать, что р» (как в случае с «Джонс думает, что р»), поскольку последнее ближе к «убежден, что р» и подобно ему имеет диспозициональный характер.

А-3. Мысленные эпизоды определяются только в категориях интенциональности.

[1] Нижеследующие абзацы пронумерованы А-1, А-2 и т.д., чтобы избежать в дальнейшем путаницы и облегчить цитирование. Это же относится и ко всем последующим пронумерованным абзацам и предложениям.

А-4. Мысленные эпизоды не являются речевыми эпизодами, они только выражаются ими.

А-5. В *каком-то смысле* высказывания действительно являются осмысленными, *потому что* они выражают мысли. Смысл этого «потому что» в том, что высказывание Джонса, s, означает, *что р, потому что s* выражает мысль Джонса о том, *что р*.

Все сказанное выше отражает те аспекты моей точки зрения, которые, как мне кажется, в наибольшей степени совпадают с Вашей точкой зрения. Если и есть между нами какие-то различия, то они заключаются в следующем.

А-6. Несмотря на то что высказывания и подразумевают положение вещей, *потому что* они выражают мысли об этих положениях вещей, такое *потому что*, тем не менее, не является анализом. Обратите внимание, что физические объекты движутся благодаря тому, что происходит на уровне субатомных частиц. Однако само движение физических объектов нельзя *анализировать* с точки зрения движения субатомных частиц.

А-7. Мысли, конечно, не являются теоретическими сущностями. Часто мы обладаем прямым и непосредственным знанием о таких нетеоретических событиях, как удары теннисного мяча.

А-8. Однако если мысли и не являются теоретическими сущностями, то именно потому, что они являются чем-то большим, чем *просто* теоретические сущности.

А-9. В своем эссе я описал такое представление о наших мыслях, которое «однажды» появилось в качестве *теории*[1], объясняющей тот факт, что молчаливое поведение может быть таким же осмысленным, как и то поведение, которое, как мы сказали бы, *продумано вслух* шаг за шагом.

А-10. Если сначала мы использовали такое представление о мыслях (framework) просто как теорию, то в дальнейшем мы стали[2] описывать се-

[1] Основная суть и функционирование теорий и моделей в бихевиористской психологии рассматривается в § 51–55 эссе Empiricism and the Philosophy of Mind (в дальнейшем EPM) // Minnesota Studies in the Philosophy of Science; H. Feigl and M. Scnven (eds.). Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1956. Vol. 1.

[2] «С тех пор как наш вымышленный предок Джонс разработал теорию о том, что наблюдаемое вербальное поведение является выражением мыслей, и обучил своих соплеменников пользоваться этой теорией для интерпретации поведения других людей, до использования этого языка в качестве самоописания остался один шаг. Поэтому, когда у Тома, смотрящего на Дика, есть пример наглядного поведения, позволяющий ему употребить предложение “Дик думает ‘р’” (или “Дик думает, что р”), то Дик, используя тот же самый пример наглядного поведения, может на языке этой теории сказать “Я думаю ‘р’” (или “Я думаю, что р”). И теперь оказывается, что Дика – если понадобится – можно обучить давать вполне надежные самоописания на языке этой теории и без того, чтобы непосредственно наблюдать за его поведением. Джонс делает это, просто одобряя

бя в качестве обладающих определенными мыслями без того, чтобы *делать вывод* о том, что мы обладаем ими, отталкиваясь от нашего публично наблюдаемого поведения.

А-11. *Моделью* для этой теории послужила наблюдаемая речь. Мысли понимаются как «внутренняя речь», т.е. как эпизоды, которые, если можно так выразиться, настолько похожи на наблюдаемую речь, насколько на нее вообще что-либо может походить из того, что таковой речью *не* является[1].

А-12. Такой подход предполагает, что *металингвистический* словарь, с помощью которого мы говорим о лингвистических эпизодах, можно анализировать в терминах, никак не связанных с представлением о ментальных актах. В частности,

«...» означает p

не следует анализировать в качестве

«...» выражает t, и t направлена на p,

где t это мысль.

А-13. Мой тезис заключается в том, что категории интенциональности это не более чем металингвистические категории, с помощью которых мы эпистемически описываем наблюдаемую речь. Эти категории складываются в представление о мыслях, которые понимаются по образу и подобию наблюдаемой речи.

А-14. Итак, в некоторых своих статьях (и наиболее удачно, полагаю, в этих лекциях) я попытался показать, что

«...» означает –

можно объяснить без обращения к анализу этой формы с точки зрения ментальных актов[2] ...

Искренне Ваш,
Уилфрид Селларс.

произнесение Диком “Я думаю, что p”, когда наглядное поведение Дика строго подтверждает теоретическое утверждение “Дик думает, что p”, и не одобряя произнесение им “Я думаю, что p”, когда оно не подтверждает это теоретическое утверждение. Так наши предки начали говорить о привилегированном доступе каждого из нас к собственным мыслям. То, что начиналось как язык для чисто теоретических целей, впоследствии приобрело функцию сообщения» (EPM. P. 320).

[1] О различии между моделью, на основе которой построена теория, и «комментарием» к этой модели см. в EPM, § 51 и 57.

[2] См. EPM, Part VII, «The Logic of Means», а также § 80 моего эссе «Counterfactuals, Dispositions and the Causal Modalities», опубликованного в H. Feigl et al., eds., *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, vol. II (Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1958), pp. 225–308; см. также письма от 31 августа и 19 сентября из этой переписки.

12 августа 1956 г.

Уважаемый м-р Селларс,
большое спасибо за Ваше письмо от 3 августа, а также за прояснение ключевых моментов Вашей позиции. Думаю, теперь я могу точно сказать, в чем именно мы с Вами расходимся.

У меня нет замечаний к первым пяти пунктам, и я могу согласиться также с А-7 и А-8. Согласие же с пунктом А-6 и пунктами, следующими за А-8, зависит, по всей видимости, от А-12. Если Вы убедите меня в А-12, то убедите меня и во всем остальном.

Мне известно, что Вы детально и подробно писали о тезисе, сформулированном в пункте А-12, но не думаю, что Вы сняли все возможные вопросы с моей стороны. Для того, чтобы показать, что

«...» означает p,

не следует анализировать в качестве

«...» выражает t, и t направлена на p.

Ваш металингвистический словарь должен содержать только такие речевые обороты, которые (1), с точки зрения критериев, сформулированных в моей статье для Аристотелевского общества[1], не являются интенциональными и (2) могут быть определены в физикалистских терминах. Этот момент нам стоило бы обсудить более подробно, поскольку я считаю, что Вам необходимо ввести такой термин, который, если он вообще что-то означает, должен отсылать прежде всего к тому, что Вы называете мыслями. Этот термин можно было бы замаскировать, назвав его «примитивным термином семантики» или «примитивным термином прагматики», или чем-то вроде этого. Однако это означало бы признание того, что когда мы анализируем значения, которые принадлежат естественному языку, то нам необходимо такое понятие, в котором мы не нуждаемся ни в физике, ни в «бихевиористике». До тех пор пока Вы не преуспеете в том, что пытался сделать Карнап в своей статье для «Philosophical Studies»[2], и которую я раскритиковал в прошлом году[3] (а именно, проанализировать семантику или прагматику естественного языка с помощью физикалистского словаря бихевиористской психологии, не используя при этом неопределенные семантические термины и вообще не ссылаясь на мысли), я скорее всего не изменю своего мнения относительно Ваших взглядов на интенциональность.

---

[1] См. сноску 1.

[2] *Carnap R.* Meaning and Synonymy in Natural Languages // Philosophical Studies. 1955. № 6. P. 33–47.

[3] См. сноску 2.

Полагаю, Вы согласитесь, что если не принимать Ваш пункт А-12, то вполне разумно не соглашаться и с тем, что Вы говорите в конце страницы 319 лекций: «Нельзя забывать, что первичной задачей семантических понятий является семантическая характеристика наблюдаемых вербальных эпизодов и что описанные с семантической точки зрения наблюдаемые лингвистические события являются моделью для внутренних эпизодов, которые вводятся теорией» ...

Искренне Ваш,
Родерик М. Чизом

15 августа 1956 г.

Уважаемый м-р Чизом,
... наш разговор так хорошо складывается, что не могу удержаться от еще одной попытки окончательно все прояснить (или прийти к согласию).

Вы пишете: «Вам необходимо ввести такой термин, который, если он вообще что-то означает, должен отсылать прежде всего к тому, что Вы называете мыслями. Данный термин можно было бы замаскировать, назвав его “примитивным термином семантики”, или “примитивным термином прагматики”, или чем-то вроде этого. Однако это означало бы признание того, что когда мы анализируем значения, которые принадлежат естественному языку, нам необходимо такое понятие, в котором мы не нуждаемся ни в физике, ни в “бихевиористике”». Я, безусловно, согласен, что семантические высказывания (statements) о высказываниях естественного языка, т.е. о реально используемых утверждениях, нельзя построить с помощью того, что нам предлагает бихевиористская теория. Я уже писал об этом в некоторых статьях (например, в «Семантическом решении...»)[1] и совсем недавно в эссе[2] для сборника, посвященного Карнапу, а также в моих лондонских лекциях. Я согласен и с тем, что должно быть некое дополнительное выражение, которое понимается в качестве примитивного, а именно, «означает», или «обозначает», в контексте

«...» означает –

Однако, несмотря на то что «означает» является в некотором *грамматическом смысле* «реляционным термином», его, как и «следует» (ought), нельзя относить к терминам дескриптивных *отношений*. Даже если этот

[1] *Sellars W.* A Semantical Solution of the Mind-Body Problem // Methodos. 1953. № 5. P. 45–84; см. также: *Sellars W.* Mind, Meaning and Behavior // Philosophical Studies. 1953. № 3. P. 83–95.

[2] *Sellars W.* Empiricism and Abstract Entities // The Philosophy of Rudolf Carnap ; ed. P.A. Schilpp. La Salle, Ill.: Open Court, 1963.

термин и является «дескриптивным» предикатом в том смысле, что он не является *логическим* термином или подразумевающим таковые, все равно этот термин не является дескриптивным *в интересующем нас* (*обычном*) *смысле слова*.

Полагаю, наиболее ясно я это выразил на страницах 291–293 и 310 моих лекций. Напоминаю об этом только потому, что Вы могли этого не заметить, поскольку я говорю об этом в разделе, предшествующем тому, в котором говорится о *мыслях* и который мы обсуждали в наших предыдущих письмах.

Также отправляю Вам в отдельном конверте мимеограф моей статьи о Карнапе[1], в которой я подробно рассматриваю (начиная со страницы 30) несводимость [термина] «обозначает» (designates) к понятиям формальной логики.

Искренне Ваш,
Уилфрид Селларс

24 августа 1956 г.

Уважаемый м-р Селларс,
философский вопрос, относительно которого мы расходимся, заключается в том, надо ли

(1) «...» означает p

анализировать в качестве

(2) «...» выражает t и t направлена на p.

Я настаиваю на том, что первое надо анализировать с точки зрения второго, тогда как Вы настаиваете на обратном. Однако, как я понимаю, мы оба согласны с тем, что нам необходим некий семантический (или интенциональный) термин, в котором не нуждается физика.

Как же нам узнать, надо ли (1) анализировать с точки зрения (2) или наоборот? Если бы проблема заключалась только в построении языка, то ответ зависел бы от того, какая из альтернатив привела бы нас к наиболее точному языку. Если мы выберем первую альтернативу, анализируя значение звуков и символов (marks), ссылаясь на мысли живых существ, то «интенционалист» скажет: «Живые существа обладают таким необычным видом свойств, которых нет у обычных физических вещей». Если же мы выберем вторую альтернативу, то какой-нибудь «лингвист» с не меньшим правом заявит: «Символы и звуки обладают таким необычным видом свойств, которых нет у живых существ и прочих физических вещей».

[1] См. сноску 12.

Так к чему же относятся эти необычные свойства? (Разумеется, нет смысла настаивать на том, что они означают некое «дескриптивное отношение». Брентано говорил практически то же самое, в частности о мнимом отношении «думать о» и т.д.). Можем ли мы сказать, что есть такие необычные свойства (иными словами, свойства, не подпадающие ни под одно физикалистское определение), которые присущи только живым существам? Или же мы должны сказать, что есть такие необычные свойства, которые присущи только определенным звукам и символам?

Если так ставить вопрос, то, полагаю, очевидным ответом будет то, что особенными являются именно живые существа, а не звуки и символы. Кажется, именно Ваш коллега Хосперс (Hospers) предложил следующее полезное сравнение. Мысли и слова обладают значением подобно тому, как светят Солнце и Луна, при этом значение слов связано со значением мыслей так же, как связаны свет Луны и свет Солнца. Если вы уберете живых существ, то символы и звуки больше не будут светить. Но если Вы уберете символы и звуки, люди все еще будут думать о разных вещах, хотя, конечно, и не так хорошо. Так что все заявления о том, что у младенцев, немых и животных не будет убеждений и желаний, пока они не научатся употреблению языка, являются необоснованной психологической догмой.

Говоря «есть такие свойства..», я, конечно, не имею в виду существование абстрактных сущностей. Не уверен, что Вы согласитесь со всем сказанным выше. Но согласитесь ли Вы, что описанная мною проблема является важной и что ее не так-то просто решить? ...

Искренне Ваш,
Родерик М. Чизом

31 августа 1956 г.

Уважаемый м-р Чизом,
в Вашем последнем письме, как и в предыдущих письмах, Вы подняли очень уместные вопросы, что позволяет нашей дискуссии развиваться дальше. (Замечания в ходе продуктивной философской дискуссии должны быть, так сказать, «по плечу».) Рассмотрим их по порядку.

1. Ваше противопоставление «интенционалиста» и «лингвиста» на самом деле ошибочно. Вы пишете: «Если мы выберем первую альтернативу, анализируя значение звуков и символов, ссылаясь на мысли живых существ, то “интенционалист” будет говорить: “Живые существа обладают таким необычным видом свойств, которых нет у обычных физических вещей”. Если же мы выберем вторую альтернативу, то какой-нибудь “лингвист” с не меньшим правом заявит: “Символы и звуки обладают таким необычным видом свойств, которых нет у живых существ и прочих физических вещей”.

Так что же все-таки обладает этими необычными свойствами?...» Ошибка здесь в том, что нам кажется (хотя, уверен, Вы совсем не это имели в виду), будто «лингвист» приписывает направленность мыслей тем свойствам, которыми символы и звуки обладают в качестве именно *символов* и *звуков* (а именно, их последовательному порядку, композиции из более простых символов и звуков, входящих во взаимоисключающие классы, и т.д.). Конечно, эти особенности «знакового устройства» (sign design) символов и звуков позволяют им функционировать в качестве языковых выражений, но не они конституируют эту функцию. Символы и звуки являются лингвистическими выражениями *только в том случае*, если их произносит говорящее животное, причем не в качестве имитации.

2. Поэтому «лингвист», как и «интенционалист», может заявить, что (определенные) живые существа способны оперировать такими символами и звуками, о которых можно сказать, что они *указывают* на что-то и *говорят* о чем-то, тогда как «обычные физические вещи» этого не могут. Проблема поэтому заключается не в том, как Вы говорите, «можем ли мы сказать, что есть такие необычные свойства (иными словами, свойства, не подпадающие ни под одно физикалистское определение), которые принадлежат только живым существам? Или же мы должны сказать, что есть такие необычные свойства, которые принадлежат только определенным звукам и символам?». Проблема скорее заключается в следующем: *если* изначально способ существования языка подразумевает осмысленные вербальные действия, осуществляемые животными, которые могут *думать*, *желать*, *подразумевать*, *хотеть*, *заключать* и т.д., и *если* (а) эти вербальные действия что-то *означают*, и (б) выражаемые ими *ментальные акты* на что-то направлены, то как мы можем объяснить эти понятия, *присущие скорее живым существам, а не «обычным физическим вещам»*?

3. Почему Вы думаете, что «означает» в

«...» означает –

должно указывать на некое *свойство*, пусть даже и «необычное»? Если Вы, как и Брентано, считаете (и вполне справедливо), что это только мнимое отношение, то должно ли оно тогда быть свойством какого-то особого рода? (Возможно, в случае пропозиций Вы сказали бы, что скорее *означает-р* является таким свойством, а не просто *означает*.) Конечно, я не отрицаю того, что при определенных условиях термин «свойство» можно толковать таким образом. Однако я считаю, что такое расширительное толкование «свойства» скрадывает очень важные различия, но об этом чуть позже.

Я не из тех, кто считает, что «значение термина это его употребление», поскольку у «употребления» нет того смысла, который помог бы

анализу интересующего нас смысла «означает». Тем не менее, эта В[итгенштейнов]-ская максима содержит в себе одну очень важную истину, и, если соблюдать осторожность, она может принести нам пользу. Возьмем такое выражение, которое пусть и не указывает на какой-нибудь предмет, входящий в одну из Ваших онтологических категорий, но о котором Вы сказали бы, что оно указывает на некое свойство (при этом Вы знаете, что оно выполняет систематическую, или нормативную, функцию в языке). Например, «да» в [предложении] «Да, идет дождь». Представьте, что «да» всегда появляется в контексте «да, р». Даже в этом случае разве мы не использовали бы именно структуру «'...' означает –»? Например,

«Ja, p» означает *да, р*

и

«Ja» означает *да*.

(Полагаю, Вы не будете утверждать, что *да* является свойством пропозиций.) Но если «*да*» не указывает на какое-либо свойство, тогда то, что

«x bedeutet y» означает *x означает y*

не является сильным доводом в пользу того, что *означает* является неким свойством. Иными словами, из

«Bedeutet» означает *означает*

нельзя заключить, что

Есть нечто (а именно, *означает*), что «bedeutet» означает.

Ведь то, что *означает* является в таком расширенном смысле «чем-то», практически ни о чем не говорит, поскольку *да* в этом случае также было бы чем-то!

Если Е это определенное выражение в языке L, какую бы роль оно в нем ни играло, а Е' является переводом Е на английский, то мы вполне можем сказать и то, что

Е (в L) означает –

и то, что

Есть нечто, а именно –, которое Е и означает,

где то, что стоит на месте «–», является английским выражением, обозначенным с помощью Е. Таким образом, мы получаем

Есть нечто, а именно *Я буду*, которое «Ich werde» означает (по-немецки)

и

Есть нечто, а именно *это*, которое «dieser (diese, dieses)» означает (по-немецки).

(Понятно, что в последнем примере контекст заключает "это" в кавычки, так что оно более не выполняет своей «указующей» роли, а семантическая структура реализует свою указующую роль уже по-своему.)

4. Вы пишете: «Значение слов связано со значением мыслей так же, как связаны свет Луны и свет Солнца. Если вы уберете живых существ, то символы и звуки больше не будут светить. Но если Вы уберете символы и звуки, люди все еще будут думать о разных вещах, хотя, конечно, и не так хорошо». Я, *разумеется*, согласен с тем, что символы в книге и звуки, издаваемые фонографом, «обладают значением» только благодаря их связи с «живыми» вербальными эпизодами, в которых язык служит непосредственному выражению мысли (например, разговор, записанный на доске). И, как я уже писал в предыдущем письме (от 3 августа), я согласен с тем, что «живые» вербальные эпизоды являются осмысленными, *потому что* они выражают мысли. Расхождение между нами заключается в *анализе* этого «потому что».

Позвольте, я еще раз объясню, что же я имел в виду, сказав, что *в принципе* можно представить людей, у которых еще нет представления о *мыслях*, но которые используют характерные формы семантического дискурса. Они *думают*, но они *не знают о том, что они думают*. Они осмысленно используют язык, *потому что* выражают мысли, однако, они *не знают*, что это выражение мыслей. Иными словами, они не знают, что *наблюдаемая* речь является кульминацией тех внутренних эпизодов, которые мы называем мыслями. (Сравните их, например, с людьми, у которых пока еще нет *теоретических* понятий, с помощью которых они давали бы *теоретические* объяснения наблюдаемым свойствам физических объектов. Но при этом они могут объяснять определенные события с помощью того общего знания, которое содержится в связанных с этими вещами диспозициональных понятиях.)

Итак, для того чтобы общаться, эти люди должны учитывать те нормы, которые определяют, что без чего нельзя сказать, и тем самым задают синтаксическую или «интра-лингвистическую» структуру языка; они также должны учитывать, что, *ceteris paribus*, перед тем, кто говорит «Это – зеленое», должен находиться некий зеленый объект, а тот, кто говорит «Я сделаю А», собирается это сделать. Их понимание будет основано на той регулярности, с помощью которой язык изучают и передают от поколения к поколению как некое «социальное наследие». Эта регулярность лежит в основе их пользования языком.

Если Вы согласитесь с тем, что они *могли бы* достичь всего этого, не имея в своем распоряжении *понятия мысли* (хотя, разумеется, не переставая *мыслить*), то тогда встает вполне закономерный вопрос: могли бы они использовать семантический дискурс, не имея никакого представления о том, что наблюдаемое вербальное поведение является кульминацией внутренних эпизодов, не говоря уже о том, что оно является выражением мыслей? *Мой* ответ – да.

В своем первом письме Вы выразили согласие со многим из того, что я говорил о «мифе данности». Но моя критика этого мифа предполагает и то, что прежде чем эти люди *непосредственно* узнают (с помощью «интроспекции») о том, что у них есть мысли, они должны будут *сначала* создать представление о том, что такое мысль[1]. Поэтому, соглашаясь с Вами в том, что форму

«...» означает —

нельзя получить с помощью райловских терминов (или «бихевиоризмов», как я их называю), я, тем не менее, настаиваю на том, что ее нельзя анализировать и с точки зрения

«...» выражает t, и t направлена на —.

Мое решение проблемы заключается в том, что «“...” означает —» является основанием той уникальной разновидности дискурса, которая на столько же отличается от *описания* и *объяснения* эмпирического факта, насколько отличается от них и язык *предписания* и *обоснования*.

Возможно, я выражался не совсем понятно. Но теперь основная суть аргумента прояснится. Если условно разделить единую линию концептуального развития на периоды, то мысли сначала будут пониматься в качестве теоретических эпизодов по аналогии с наблюдаемым вербальным поведением (т.е. как «внутренняя речь»). Однако в какой-то момент люди смогут сказать, о чем они думают, не делая при этом никаких теоретических заключений на основании их собственного публично наблюдаемого поведения (примерно так, как я это представил в моем мифе о Джонсе)[2]. Они теперь не просто думают, но еще и знают о том, что они думают. Теперь они не только могут делать выводы о мыслях других людей, но и обладают непосредственным знанием о том, что происходит в их собственном сознании.

5. Вы пишете: «Так что все заявления о том, что у младенцев, немых и животных не будет убеждений и желаний, пока они не научатся употреблению языка, являются необоснованной психологической догмой». Здесь я ограничусь только краткими замечаниями:

[1] «Мы уже отказались от идеи о том, что наше существование в этом мире начинается с какого-то осознания (пусть даже смутного и фрагментарного) логического пространства предметов (particulars), видов (kinds), фактов и сходств. Мы также признали, что даже такие «простые» понятия, как цвет, являются результатом длительного процесса поощрения публичных реакций на публичные объекты (в том числе и на вербальные действия) в публичных ситуациях. ... *мы теперь знаем, что мы имеем понятие о чем-либо не потому, что заметили вещь такого рода, а что, наоборот, мы можем заметить вещь такого рода только потому, что уже имеем понятие об этой вещи, и это понятие от нас не зависит*» (EPM. P. 306).

[2] См.: EPM. P. 320; процитировано выше в сноске 5.

(a) Поскольку я не *определяю* мысли в терминах наблюдаемого вербального поведения и допускаю, что мысленные *эпизоды* могут возникать помимо наблюдаемого лингвистического выражения, то, полагаю, нет никакого *противоречия* в идее *мыслящего* существа, которое не владеет языком для наблюдаемого выражения своих мыслей.

(b) Конечно, искусное приспособление животных к окружающей среде заставляет нас полагать, что они при этом *верят* во что-то, *желают* или *ожидают* чего-то и т.д. Приписывая им убеждения, желания, ожидания и т.д., мы можем *объяснить* их поведение. *Но* главное здесь заключается в том, что обычно мы *формулируем* эти объяснения так, что по отношению к человеку это означало бы признание того, что *на самом деле* он не мыслит, не верит и не желает. Ведь в объяснении поведения животных менталистский словарь используется в качестве *модели* или *аналогии*, и он специально изменен и ограничен, чтобы соответствовать объясняемым феноменам. Это как если бы мы стали объяснять поведение макроскопических объектов, например газов, заявляя, что они состоят из сталкивающихся друг с другом микроскопических бильярдных шаров, а затем бы добавили «но, разумеется, ...».

(c) Использование менталистского словаря как точки отсчета в объяснении поведения животных можно назвать взглядом «сверху вниз». При этом новейшая экспериментальная психология пытается взглянуть на него «снизу вверх». И хотя в этой области еще многое предстоит сделать, тем не менее уже очевидно, что *установление различий* является более первичным феноменом, чем *классификация*, и что цепи стимул—реакция могут быть настолько сложными, что в принципе могут объяснить и такие «изощренные» формы приспособления, как, например, способность к обману. Тогда как, если смотреть на эти формы приспособления «сверху вниз», они объяснялись бы именно с точки зрения компетентного использования системы убеждений, желаний, ожиданий и т.д. Иными словами, что можно было бы сказать о земляном черве, который стал поворачивать направо в Т-образной трубе, поскольку, повернув до этого налево, получил небольшой удар током?

(d) Полагаю, Вы согласитесь, что способность иметь мысли предполагает и способность к *определенной* классификации, а также к предвидению *определенных* последствий и к совершению *определенных* выводов. Думаю, Вы согласитесь и с тем, что поспешно было бы заключить, что лабораторная крыса может *классифицировать* объекты, поскольку она реагирует одним образом на объекты, которые в определенных отношениях похожи, и совершенно иным образом — на объекты, которые в определенных отношениях отличаются; или что ребенок *сделал вывод*, что его обед готов, поскольку он размахивает ложкой, пока мама одевает на него нагрудник. Не хотелось бы проводить границу между внутренними эпизодами, которые располагаются как бы ниже уровня мыслей, и внутрен-

ними эпизодами, которые этими мыслями и являются. Но я по-прежнему убежден, что способность мыслить необходимо изучать только в рамках исследования нашей способности использовать язык в межличностном общении и что способность иметь мысли без того, чтобы выражать их, является уже более поздним достижением.

(e) Наконец, последнее, хотя и не менее важное, замечание. Все сказанное выше предполагает, что языки, обучение которым приводит к способности мыслить, надо понимать в смысле конвенциональных, социально поддерживаемых и наследуемых систем символов (французский язык, немецкий, английский и т.д.), которые при этом тесно связаны с «языком жестов» физически ограниченных людей. Однако наивно было бы полагать, что языки в таком чересчур узком смысле слова являются единственными формами наблюдаемого поведения, играющими роль символов в классифицирующем, логически обоснованном и целенаправленном поведении человеческих существ. Поэтому, думаю, нет такого взрослого глухонемого, у которого были бы «убеждения и желания» и который мог бы «думать о разных вещах, хотя, конечно, и не так хорошо», но который не выучил бы никакого *языка*. Я бы скорее сказал (вместе с В[итгенштейн]ом и другими), что его наблюдаемое конвенционально символизированное поведение сначала должно было быть *одобрено* («усилено») его окружением; и что определенный способ поведения В будет выражать мысль, *что р*, только если В является *переводом* на его «язык» предложения нашего *языка* (назовем это предложение S), репрезентируемого с помощью «р». Это означает, что В играет ту же роль в его поведенческой экономии, какую S играет в нашей.

(f) Теперь я должен добавить два примечания к этому «последнему замечанию» – они свяжут его со всем сказанным до этого. Первое касается такой важной темы в современных дискуссиях, как *значение*. Взаимная переводимость двух выражений в реальной практике словоупотребления является, за некоторыми исключениями, «идеалом». Я хочу сказать, что всякий раз, используя структуру

E (в L) означает –

мы должны помнить, что «строго говоря» E и E' (см. выше, конец пункта 3) «не обладают одним и тем же значением». Тем не менее наше использование этой структуры оправданно по двум причинам, из которых наиболее важной является вторая: a) различие между ролью E и E' может не иметь никакого значения в том контексте, в котором эта структура используется; b) данная структура, в которой E и E' используются как взаимно переводимые, является *основой*, или *точкой отсчета*, исходя из которой мы с помощью добавления *уточнений* объясняем употребление выражений в L тому, кто не знает, как их употреблять.

(g) Суть второго примечания заключается в том, что не существует замены сложно структурированным языкам, развивавшимся на протяжении тысячелетий существования человека. Возвращаюсь к пункту (b): сказав, что у нашего глухонемого есть мысль, *что р*, разве мы потом не вынуждены будем, *если потребуется*, добавить «но, разумеется ...»?

6. Вы пишете: «Не уверен, что Вы согласитесь со всем сказанным выше». Если я напишу «то же самое» (ditto), то это будет мягко сказано. С другой стороны, хотя я и не согласен кое с чем из того, что Вы говорили, я, тем не менее, попытался показать, что со многим я все-таки согласен, и даже с бо́льшим, чем Вы можете предположить, хотя и продолжаю настаивать на своем.

Искренне Ваш,
Уилфрид Селларс

P.S. Все это уже перестает походить на обычный обмен письмами!

12 сентября 1956 г.

Уважаемый м-р Селлрас,
большое спасибо за последнее письмо, я прочитал его с удовольствием. Думаю, различия между нами теперь сводятся, судя по всему, к двум пунктам, которые и вызывают наибольшее разногласие.

Прежде всего мы расходимся во мнениях относительно того, как понимать «анализ» и «объяснение» (explication). Рассмотрим следующие предложения:

В-1. Содержание мыслей надо анализировать с точки зрения языкового значения, а не наоборот.

В-2. Язык является осмысленным только потому, что он выражает мысли, которые *на что-то* направлены.

В-3. Люди из Вашей истории могли «использовать семантический дискурс, не имея никакого представления о том, что наблюдаемое вербальное поведение является кульминацией внутренних эпизодов, не говоря уже о том, что оно является выражением мыслей».

Когда я писал Вам свое первое письмо, то полагал, что В-1 несовместимо с В-2, тогда как Вы допускали как В-1, так и В-2. Причем для Вас В-3 подразумевает В-1, тогда как я согласен с В-3, но не принимаю В-1.

Возможно, мы правильно поступим, если решим больше не использовать такие технические понятия, как «анализ» и «объяснение». Что тогда будет следовать из В-1?

Другое расхождение между нами заключается в том, что я более скептично настроен к таким «решениям», как то, что Вы предложили на странице 4. «Мое решение проблемы заключается в том, что «“...” означает –»

является основанием той уникальной разновидности дискурса, которая настолько же отличается от *описания* и *объяснения* эмпирического факта, насколько отличается от них и язык *предписания* и *обоснования*». Думаю, что технический философский термин «дескриптивный» чересчур затаскан, и не уверен, что он достаточно содержателен. Я бы скорее сказал, что заявление о том, что какое-то предложение не является дескриптивным, означает лишь то, что это предложение (например, «Не переходи улицу» или «Жаль, что эти розы не расцвели») не является ни истинным, ни ложным. Однако предложение «“Hund” по-немецки означает *собака*» является *истинным* предложением. И любой, кто отрицал бы это, совершил бы *ошибку* вроде той, которую, как мне кажется, совершает и тот, кто говорит «Берлин является частью Варшавы». Поэтому сказать, что предложение не является дескриптивным или что оно представляет собой уникальную разновидность дискурса, не значит прояснить хотя бы одну из поставленных мною проблем.

Впрочем, надеюсь, мы еще не зашли в тупик.

Искренне Ваш,
Р.М. Чизом

19 сентября 1956 г.

Уважаемый м-р Чизом,
большое спасибо за письмо от 12 сентября, в нем Вы снова, как обычно, очень четко очертили проблемы. Я сосредоточусь на тех двух моментах, к которым, как Вы полагаете, «сводятся» различия между нами, и в том порядке, в котором Вы их изложили.

Вы спрашиваете, что будет следовать из Вашего предложения (B-1), если мы «решим больше не использовать такие технические понятия, как “анализ” и “объяснение”». Да, я согласен, что эти термины могут скорее навредить, если с ними неосторожно обращаться. «Анализ» теперь применяется ко всему, от дефиниций вплоть до объяснений различных видов употребления термина, которые вообще дефинициями не являются. Позвольте, поэтому, заметить, что я все-таки не настолько неосторожен, чтобы заявлять, что «содержание мыслей надо анализировать с точки зрения языкового значения, а не наоборот». Данная формулировка отсылает к Вашему письму еще от 24 августа, и в последнем своем письме я вынужден был возражать на это. Я, конечно, против того, чтобы анализировать языковое значение с точки зрения содержания мыслей – обратите внимание, например, на раздел A-12 в моем письме от 3 августа. Но главное свое возражение на это я сформулировал в разделе A-13 из того же письма: «Категории интенциональности, возникающие в наших представлениях о мыслях,

понимаемых по образу и подобию наблюдаемой речи, являются не более чем металингвистическими категориями, с помощью которых мы описываем наблюдаемую речь с эпистемологической точки зрения». Итак, я всегда возражал против того, чтобы *определять* мысли (а следовательно, и их направленность) с точки зрения языка (пункт 5(b) в моем письме от 31 августа). Тем не менее я настаиваю на том, что направленность мыслей надо *понимать* и *объяснять* с помощью категорий семантического дискурса о языке. Поэтому только если «анализ» вообще станет бесполезным, я готов буду принять Ваше B-1.

Позвольте мне небольшое отступление, чтобы сделать некоторые выводы из моей истории, в которой Джонс вводит категорию мыслей, используя в качестве модели семантический дискурс о наблюдаемой речи. В истории речь шла о том, что

x является примером S, и S (в L) означает p

(где x относится к наблюдаемым лингвистическим эпизодам) является моделью для

x является случаем T, и T является мыслью, что p

(где x относится уже к внутренним эпизодам, введенным с помощью ‘теории’). Теперь, если я правильно пониманию семантические утверждения, предложения типа

S (в L) означает p,

используемые соплеменниками Джонса, *подразумевают*, но не *утверждают* определенные райловские факты относительно места S в поведенческой экономии пользователей L.

(Они подразумевают эти факты, потому что «S (в L) означает p», высказанное с помощью x, не было бы истинным, если бы предложение «S» не играло той же райловской роли в поведении использующих L, что и предложение «p» в поведении высказывающегося. Но они не *утверждают* эти райловские факты, поскольку «S означает p» не (ре-)конструируемо с помощью райловских средств.)

Райловские факты, «лежащие в основе» семантических высказываний о выражениях языка, должны учитываться не только теми, кто собирается делать семантические высказывания о языке, но и теми, кто использует язык для коммуникации с другими пользователями языка. Иными словами, эти факты устанавливают корреляцию (a) между внешним окружением и вербальным поведением, (b) между одним вербальным поведением и другим вербальным поведением, (c) между вербальным поведением и невербальным. Если мы используем семантический дискурс о наблюдаемой речи в качестве модели для внутренних эпизодов (постулируемых Джонсом для объяснения того, что поведение его

соплеменников может быть таким же разумным, когда они молчат, как и тогда, когда они думают вслух), то именно эти корреляции – *при условии, что все поведение было бы «мышлением вслух»* – являются наиболее эффективной моделью для описания той роли, которую выполняют эти внутренние эпизоды. Именно эту роль – хотя, конечно, и не всю структуру интенциональности, в которой она проявляется, – мы сегодня надеемся (и вполне обоснованно) объяснить в терминах нейрофизиологических соединений, подобно тому, как нам удалось объяснить «атомы», «молекулы» и т.д. прежней химической теории в терминах современной физической теории[1].

Впрочем, я затронул такие темы, которые предполагают согласие в гораздо более фундаментальных вопросах (хотя сказанное выше может прояснить общее направление моей мысли). Так что вернемся к Вашим вопросам! Прежде чем сделать это отступление, я сказал, что не смогу принять B-1, если только не переформулировать его так, что термин «анализ» просто теряет всякий смысл. На самом деле мы *оба* отрицаем B-1. Однако я готов согласиться с чем-то очень близким к B-1. Вы, я так понимаю, не готовы. Или я ошибаюсь? (См. ниже.)

Итак, хотя мы оба согласны с B-2 *как с неким тезисом*, я, однако, согласен с ним, только если содержащееся в нем «потому что» входит в теоретическое объяснение, тогда как Вы интерпретируете это выражение как элемент анализа. Как в таком случае объяснить Ваше согласие с B-2, раз уж мы решили сейчас «не использовать такие технические термины, как “анализ” и “объяснение”»? С другой стороны, причина, по которой я согласен с (B-2), тесно связана с тем, почему я согласен с B-1.

[1] Иными словами, мы должны различать две функции семантических высказываний относительно наблюдаемых лингвистических действий, т.е. функции тех высказываний, которые выступают в качестве модели для понятия мысли как направленного или указывающего на что-то эпизода. С одной стороны, (a) они выступают в качестве семантической формы как таковой, когда «S означает p» является моделью для «T направлено на p»; с другой стороны, (b) вербально-поведенческие факты, на которые *указывают* семантические высказывания относительно лингвистических действий, являются моделью для фактического, или дескриптивного, характера ментальных эпизодов, для их отношений в *каузальном* ряду как друг с другом, так и с наблюдаемым поведением.

Именно дескриптивную структуру ментальных эпизодов мы, как уже было сказано, «надеемся (и вполне обоснованно) объяснить в терминах нейрофизиологических соединений, – подобно тому, как нам удалось объяснить “атомы”, “молекулы” и т.д. прежней химической теории в терминах современной физической теории». Анализ логики такой «интерпретации», или, как иногда говорят, «слияния», см. в EPM, § 55, 58 и 40–41, а также в § 47–50 моего эссе «Counterfactuals, Dispositions and the Causal Modalities», особенно § 49. Краткий анализ того, почему мысли *действительно* могут быть нейропсихологическим состоянием (анализ, который продолжает основную линию натуралистической традиции материализма, избегая при этом категориального смешения, свойственного его ранним версиям), см. в последней части моего письма от 19 октября.

Здесь стоит вернуться к тому, о чем говорилось в первой части этого письма. Вы пишете в письме от 12 августа: «У меня нет замечаний к первым пяти пунктам, и я могу согласиться также с A-7 и A-8. Согласие же с пунктом A-6 и пунктами, следующими за A-8, зависит, по всей видимости, от A-12. Если Вы убедите меня в A-12, то убедите меня и во всем остальном». У меня возникает следующий вопрос. Сейчас Вы пишете, что согласны с B-3. А 12 августа Вы писали, что если я смогу убедить Вас в A-12, то, возможно, смогу убедить и во всем остальном. *Но разве B-3 не подразумевает A-12?*

Теперь относительно «второго пункта разногласия между нами». Сразу замечу, что я разделяю Ваше недоверие к таким «решениям» философских проблем, которые просто подыскивают новую категорию для выражений, в которых сформулированы эти проблемы. Именно потому, что я предлагаю нечто большее, я и осмелился назвать свое предложение решением.

Итак, первое, о чем необходимо сказать, так это то, что я не только *согласен*, но никогда и *не сомневался* в том, что

«Hund» по-немецки означает *собака*

истинно настолько же, насколько истинным было бы и

Берлин является частью Варшавы,

если бы географические факты были несколько иными.

«“Hund” по-немецки означает собака» истинно ≡ “Hund” по-немецки означает собака

в том же смысле, что и

«Берлин является частью Варшавы» истинно ≡ Берлин является частью Варшавы.

Относительно этого момента между нами нет разногласий. Когда я сказал, что семантические высказывания передают дескриптивную информацию, но *не утверждают* ее, я не имел в виду, что семантические высказывания *только* передают, но не утверждают. Они являются именно семантическими утверждениями. То, как я, в отличие от эмотивистов, использую термин «передавать», не делает его синонимом «проявлять» или «выражать». Я бы не стал приравнивать семантические высказывания к восклицаниям или симптомам.

Стоит отметить, что о таких высказываниях, как «Джонсу следует делать A», столь же уместно говорить, что они являются *истинными*, сколь и о математических, географических или семантических высказываниях. Однако мы, разумеется, должны помнить и о важных различиях в «логике» этих высказываний.

Я согласен, что для решения нашей проблемы нельзя просто заявить, что семантические высказывания «уникальны» – так же как и для решения соответствующей проблемы в этике нельзя просто сказать, что прескриптивные высказывания «уникальны». Необходимо тщательно исследовать высказывания из самых разных групп (families) с учетом *всех* сходств и различий между ними. Только *после* этого заявление о том, что определенная группа высказываний является в некотором роде уникальной, перестанет быть пустым обещанием. И хотя я не стал бы настаивать, что предлагаемый мною подход к объяснению семантических и менталистских высказываний продвинулся достаточно далеко, я, тем не менее, считаю, что это как минимум *начало* и что я по крайней мере сделал первые шаги в этом направлении.

Я также согласен с тем, что термин «дескриптивный» мало что нам дает. Поскольку «ремесленная задача», используя выражение Айера, уже выполнена, то можно придать этому термину более точное значение. (Возможно, есть определенная связь между техническим употреблением данного термина и тем, как мы обычно используем слово «описывать».) Я попытался сделать это в статье о Карнапе, но остался не очень доволен своей попыткой. С другой стороны, на фоне того, как сегодня философы употребляют это понятие, оно имеет смысл только в контексте противопоставления логиками «дескриптивных выражений» и «логических» (в этом случае «следует» было бы дескриптивным понятием!) и «дескриптивного» «прескриптивному» моральными философами. В соответствии с двумя этими употреблениями «S означает p» было бы действительно дескриптивным высказыванием.

Итак, я имел в виду именно *обычное* значение слова «описывать», или что-то очень близкое ему, когда сказал, что «“Hund” по-немецки означает собака» не является *дескриптивным* утверждением. Я хотел сказать, что в каком-то смысле данное высказывание не описывает роль [слова] «Hund» в немецком языке, хотя и *подразумевает* такое описание. (Сравните: когда я высказываю *намерение* совершить A, я *не предсказываю*, что совершу A, хотя в некотором смысле выразить намерение *предполагает* соответствующее предсказание.)

Итак, в чем же *суть* таких высказываний, как «“Hund” по-немецки означает *собака*»? Мне нечего добавить к тому, что я уже говорил об этом ранее, по крайней мере пока мы не столкнемся с новыми расхождениями между нами. Вполне естественно предположить (хотя это и неправильно), что

S_1: «Hund» по-немецки означает *собака*

действительно является таким же высказыванием, как и

S_2: «Hund» в немецком языке играет ту же роль, что и «собака» в английском.

Но в этом случае оно описывало бы роль «Hund» так же, как и

Том похож (в чем-то) на Дика

описывает Тома. Однако простой тест Черча на переводимость показывает, что S_1 и S_2 не эквивалентны. Мы, пользователи слова «собака» (т.е. слова нашего языка), используем S_1 для объяснения другому *пользователю* той роли, которую «Hund» играет в немецком языке, предлагая ему, так сказать, в качестве примера слово, играющее соответствующую роль в нашем языке. Очевидно, что он не сможет правильно понять S_1 (*при условии, что он действительно использует слово «собака»*), если не будет знать, что S_1 истинно, *если и только если* истинно S_2. Тем не менее он вполне может знать, что S_2 истинно без того, чтобы обладать тем знанием, которое выражено в «“Hund” по-немецки означает собака». Ведь он может знать, что S_2 истинно, не «зная значения слова “собака”».

(Сравните: можно знать, что Том похож (в чем-то) на Дика, не зная при этом, как выглядят Том и Дик.)

Итак, снова то, что должно было быть коротким и ясным письмом, вышло у меня из-под контроля. Однако это помогло мне прояснить некоторые мои идеи. Надеюсь, и Вам оно окажется чем-то полезно.

Искренне Ваш,
Уилфрид Селларс

3 октября 1956 г.

Уважаемый м-р Селларс,
извините, что не сразу ответил на Ваше письмо от 19 сентября.

У меня такое чувство, что, возможно, нам стоит начать все сначала, поскольку, формулируя свой ответ на Ваше письмо, я понял, что мы можем зайти в тупик. Вы завершаете первую часть Вашего письма вопросом «Но разве B-3 не подразумевает A-12?» Поскольку в одном из этих предложений используется технический термин «анализ», которого мы решили избегать, необходимо переформулировать этот вопрос. Я, например, не считаю, что B-3 подразумевает A-12. Это означает, что мы понимаем «анализ» по-разному. Что же касается второй части Вашего письма, то я склоняюсь к тому, что задача предложения «“Hund” по-немецки означает собака» (в котором «по-немецки» указывает на язык, на котором говорят немцы) заключается в том, чтобы поставить нас в известность, что говорящие по-немецки используют слово «Hund» для выражения своих мыслей о собаках. Конечно, это мало что нам дает!

Все, что я хотел сказать, можно выразить в следующих семи предложениях:

С-1. Мысли (т.е. убеждения, желания и т.д.) являются интенциональными – они на что-то направлены.

С-2. Лингвистические сущности (предложения и т.д.) также являются интенциональными.

С-3. Больше ничто не является интенциональным.

С-4. Мысли оставались бы интенциональными, даже если бы не существовало никаких лингвистических сущностей. (Это предложение относится к психологии. Я согласен с тем, что если бы у нас не было языка, наши мысли были бы просто грубо оформленными.)

С-5. Но если бы не было мыслей, то лингвистические сущности не были бы интенциональными. (Если бы не было людей, то слово, или звук «Hund», если бы его кто-то случайно произнес, не означал бы собаку.)

С-6. Из этого следует, что именно мысли являются «источником интенциональности», т.е., иными словами, ничто не было бы интенциональным, если бы мысли не были интенциональными. (Когда я употребил «потому что» в предыдущем письме, то именно в этом смысле, а не в смысле анализа, как Вы подумали.)

С-7. Следовательно – и в этом заключается тезис Брентано – мысли являются особенными именно потому, что обладают таким важным свойством, которым более ничто в мире не обладает, а именно, свойством, описанным в С-6.

Аналогия Хосперса с Луной и Солнцем соответствует каждому из этих предложений. Если мы забудем на время о звездах и метеоритах и заменим в перечисленных выше предложениях «мысли» на «Солнце», «лингвистические сущности» на «Луну», а «быть интенциональным» на «быть источником света», то и в этом случае все эти предложения останутся в силе.

Допустим, человек, много знающий о Луне, но мало что знающий о Солнце, стал бы изучать Солнце по его сходству с Луной. Такой человек очень походил бы на человека из вашей истории. Однако мне кажется, что даже если бы таковой и нашелся, это мало повлияло бы на ту важную астрономическую истину, которая была бы выражена в С-7. Но разве Ваша история, если я правильно ее понимаю, не заставляет меня усомниться в истинности С-7?

Можно ли теперь надеяться, что мы вообще когда-либо придем к согласию?

С наилучшими пожеланиями,
Р.М. Чизом

19 октября 1956 г.

Уважаемый м-р Чизом,
вполне допускаю, что в том же письме, в котором я согласился, что нам не следует использовать технический термин «анализ», я же его и использовал, когда спросил «Но разве В-3 не подразумевает А-12?» Полагаю, однако, Вы согласитесь, что если бы проблему *можно* было решить в наших более ранних письмах, то мы бы уже давно продвинулись дальше. Мы бы пытались сейчас понять, как все это будет выглядеть, если заново сформулировать проблему уже без использования этого технического термина. Пусть это и не решит всех наших проблем, но все-таки стоит сказать несколько слов о предыстории моей аргументации.

В первом своем письме я использовал термин «анализ» таким образом, что из заявления о том, что X надо анализировать с точки зрения Y, неверно было бы делать вывод, что у кого-то есть понятие X, но при этом отсутствует понятие Y. (Утверждать обратное, судя по всему, просто не имеет смысла.) Например, когда в А-12 я отрицал, что

«...» означает p

надо *анализировать* в качестве

«...» выражает t, и t направлена на p,

я на самом деле выступал против того, чтобы из отсутствия у кого-либо представления о том, что некое высказывание выражает мысль, что p, можно было вполне обоснованно заключить, что у него вообще нет понятия о том, что некое высказывание означает, что p. Ведь если всю ту отрицательную часть А-12, которая начинается со слов «в частности» (и в которой, собственно, содержится главное из того, что я хотел сказать), понимать именно таким образом, то оно как раз и будет предполагать В-3. То, о чем говорится в В-3, можно выразить следующим образом:

Люди в принципе могли бы делать семантические высказывания о наглядном вербальном поведении других людей до того, как у них возникла идея о том, что есть некие *мысли*, выражением которых и является наблюдаемое вербальное поведение.

Уже то, что Вы сформулировали В-3 и придерживаетесь его, а также Ваше более раннее заявление о том, что если мне удастся убедить Вас в А-12, то, *возможно*, удастся убедить и во всем остальном, – все это вместе позволяет надеяться, что мы все-таки могли бы достичь определенного согласия.

Но даже если мы уберем А-12 и останемся только с В-3, то и в этом случае моя точка зрения не изменится. Ведь если согласиться с В-3, то какие у нас еще останутся альтернативы для объяснения того, как связана категория мыслей и их направленность с категорией семантических вы-

сказываний о лингвистических эпизодах? (Очевидно, что классический подход, в соответствии с которым сказать о высказывании, что оно означает p, это просто удобный способ сказать, что оно выражает мысль, что p, в данном случае исключен.) Альтернатива, к которой Вы, по всей видимости, склоняетесь, может быть сформулирована приблизительно следующим образом:

Сказать о вербальном действии, что оно означает, что p, значит приписать этому действию определенное свойство, а именно, свойство означать, что p, и, следовательно, общее свойство вообще означать *что-то*. Вполне возможно, что люди могли бы обнаружить это свойство у вербальных действий, своих и чужих, не зная о том, что есть некие мысли (хотя они продолжали бы при этом думать), так же, как они могли бы установить, что Луна может светить, ничего не зная при этом о Солнце. Впоследствии они (интроспективно) замечают мысли и, изучив их, обнаруживают, что у них есть общее свойство быть направленными на что-то. Сравнивая это свойство со свойством означать что-то, они обнаруживают, что если это не одни и те же свойства, то по крайней мере свойства того же рода, поскольку быть направленным на что-то (в случае мыслей) и означать что-то (в случае лингвистических выражений) — это два схожих способа быть интенциональным. Затем они устанавливают, что вербальные выражения обладают свойством означать что-то, и, следовательно, быть интенциональными, только если они находятся в определенном отношении к мыслям, тогда как мысли могут иметь свойство быть направленными на что-то, и, следовательно, быть интенциональными независимо от какого-либо отношения к вербальным выражениям. (Хотя они при этом также установили, что мысли определенного уровня сложности не могли бы появиться, если бы думающий не выучил какой-нибудь язык, предназначенный для их выражения.) Из этого они делают вывод, что мысли являются источником интенциональности.

Я потому так кратко изложил эту альтернативу, чтобы подчеркнуть, что обычно проблемы, связанные с интенциональностью, возникают из-за предположения, что если утверждения типа «S означает p» часто оказываются *истинными*, то их можно объяснить с помощью таких философских понятий, как «свойство», «отношение», «атрибут», «описание» и т.д. Основываясь на данном предположении, мы вынуждены будем сказать (при условии, что мы избежали ловушки философского бихевиоризма), что так же, как холостяк это неженатый мужчина, а *чей-то дядя* это *брат чьего-то родителя*,

> для вербального действия означать что-то значит быть выражением мысли о чем-то.

Либо мы должны будем сказать (что по сути Вы и сделали, правда, не в тех семи предложениях, а скорее в «восьмом предложении», которое является комментарием к ним), что

> направленность мыслей на что-то и способность вербальных действий что-то означать являются схожими свойствами (это два способа быть интенциональными), однако не за счет того, о чем было сказано выше, а за счет того, что, не будучи одним и тем же свойством, они, тем не менее, находятся в гораздо более близком отношении друг к другу, нежели свет Солнца и свет Луны.

Как видите, в каком-то смысле я согласен с семью Вашими предложениями, поскольку могу использовать каждое из них по отдельности, чтобы так или иначе выразить свою точку зрения (полагаю, у каждого из нас есть свои замечания относительно С-3, однако они не имеют отношения к нашей проблеме). Меня скорее беспокоит то, какой смысл эти предложения приобретают, будучи объединены все вместе.

Какова же вторая альтернатива для В-3 — та, которую я и пытался предложить? Эта альтернатива позволяет сказать многое из того, о чем Вы говорили. Так что, возможно, если бы мне удалось найти более удачные формулировки, то они бы Вас убедили. С другой стороны, мне иногда кажется, что наши разногласия зависят от гораздо более существенных различий в наших философских позициях. Поэтому я сомневаюсь, что суть нашего разногласия лежит в области «синонимии», «анализа» и других модных проблем. Если не ошибаюсь, она имеет отношение скорее к «факту», «свойству», «описанию» и чему-то подобному. Анализ понятия «следует» мог бы стать тестом для данного предположения, однако я не решаюсь сейчас к нему приступать. Тем не менее я отправляю Вам (без обязательств, как говорят коммерсанты) копию моей статьи по данной теме, которая скоро будет опубликована[1]. Было бы интересно узнать, что Вы о ней думаете.

Теперь относительно Вашего замечания о том, что Вы склоняетесь к тому, что задача предложения «“Hund” по-немецки означает собака» ... заключается в том, «чтобы поставить нас в известность, что говорящие по-немецки используют слово “Hund” для выражения своих мыслей о собаках». Я согласен, что это предложение действительно говорит нам об этом. Но если *задача* предложения, как Вы сказали, заключается именно в этом, то это значит придерживаться определенной философской интерпретации данного предложения, тем самым заранее вынося решение относительно занимающего нас с Вами вопроса. Однако бросается в глаза то, что философская интерпретация, которая, по всей видимости, и стоит за этой Вашей «склонностью», является ни чем иным, как «классическим подходом» (как я это назвал). Последний заключается в том, что вербальное действие может озна-

[1] Imperatives, Intentions and the Logic of “Ought” // Methodos. 1956. № 8; см. также § 77—78 в моем эссе «Counterfactuals, Dispositions and the Causal Modalities».

чать что-то, только будучи выражением мысли, направленной на это что-то. Но такая интерпретация несовместима с В-3, с которым Вы согласны.

Итак, я полагаю, и даже настаиваю на том, что между «‘Hund’ по-немецки означает собака» и «Высказывания, содержащие слово ‘Hund’ и сделанные людьми, говорящими по-немецки, выражают мысли о собаках» действительно существует очень тесная связь. Конечно, моя историческая или скорее доисторическая выдумка отражает мое убеждение в том, что семантические предложения могут играть свойственную им роль, даже если у тех, кто их использует, отсутствует представление о мыслях. Тем не менее я никоим образом не отрицаю, что исходя из того, как мы используем эти предложения, из «*x* делает осмысленные высказывания» логически следует «у *x* есть мысли». Это можно пояснить с помощью примера из другой области. На основании того, как люди раньше использовали слово «вода», из «*x* является частью воды» явно не следовало, что «*x* состоит из молекул H_2O». Однако следует ли (в «логическом» смысле этого слова) из «*x* является частью воды» то, что «*x* состоит из молекул H_2O», когда слово «вода» использует химик Джонс, в том числе и в своей повседневной жизни?

Сказав, что представление о мыслях развивается по мере того, как развивается теория, моделью для которой является семантический дискурс о наблюдаемых вербальных эпизодах, я, как может показаться, сделал чисто *историческое* замечание. Кто-то может даже сказать, что независимо от того, *как именно* появился дискурс о мыслях, *теперь-то* он очевидным образом указывает на мысли, точно так же, как дискурс о лингвистических эпизодах указывает на лингвистические эпизоды, а дискурс о физических объектах – на физические объекты. Однако то, о чем я говорил, отражает *как* историческую, *так и* логическую суть дела, и здесь нельзя отделить одно от другого. Очевидно, что из одной только истинности утверждений

«Мысль» указывает на мысли,
«Чихание» указывает на чихание,
«Следует» указывает на обязательства

нельзя заключить, что «логика» «мышления» подобна «логике» «чихания» или «логике» «следует». Сказать, что термин «молекула» *был* введен с помощью «постулатов» и так называемых уточняющих определений, значит сделать пусть и несколько неуклюжее, но логическое заявление о том, как это выражение *действительно* употребляется. Причем это употребление весьма отличается от употребления тех выражений, которые указывают на макрообъекты, даже если

«Молекула» указывает на молекулы

является столь же истинным, сколь и перечисленные выше высказывания.

Сравнивая представление о мыслях с представлением о теоретических сущностях, я основываюсь на следующих соображениях:

(1) Я, как и все, согласен, что каждый из нас имеет прямой (и привилегированный) доступ к своим мыслям, т.е. что мы можем (хотя бы иногда) знать о том, что мы думаем, не опираясь при этом на выводы относительно наблюдаемого поведения (подобно тому, как мы делаем вывод о свойствах молекул газа, наблюдая за свойствами газа как макрообъекта). Однако более общие размышления об эпистемологии, изложенные в «Эмпиризме и философии сознания», привели меня к тому, что этот «прямой доступ» надо понимать с точки зрения *добавочной* роли, которую дискурс о мыслях (а также мысли о мыслях, на которые они направлены) стал играть впоследствии, а не в качестве *замены* изначально «теоретического» представления о мыслях таким представлением, в котором они сосуществуют наравне с публично наблюдаемыми объектами.

(2) Говоря о том, что представление о мыслях развивалось, используя в качестве модели семантический дискурс о наблюдаемых лингвистических эпизодах (мысли как «внутренняя речь»), я провел различие между двумя функциями, которые эта модель выполняет:

(а) Семантические понятия данной модели фигурируют в представлении о мыслях в качестве базовых категорий интенциональности. Тот факт, что эта модель является скорее семантической, нежели райловским дискурсом о наблюдаемых лингвистических эпизодах, объясняет тот факт, что интенциональность является необходимым свойством мыслей, поскольку абсурдно было бы говорить о чем-то, что оно является *мыслью*, но при этом неинтенционально.

(б) Райловское понимание лингвистических выражений (в том виде, в каком я его формировал) хотя и подразумевается, но открыто не утверждается в семантических высказываниях о них. Тем не менее именно оно является моделью для описания свойств мыслей в качестве эпизодов «в каузальном ряду».

Это различие между двумя функциями модели, которое я уже рассмотрел в письме от 19 сентября, можно подытожить следующим образом: подобно тому как семантические высказывания о лингвистических эпизодах не описывают, а только подразумевают описание этих эпизодов, так же и высказывания о содержании или интенциональном объекте мыслей не описывают мысли, а только подразумевают их описание[1]. В самом деле, эти подразумеваемые описания всего-навсего проводят аналогию между тем, как мысли связаны друг с другом и с миром (в наблюдении и поведении), и тем, как связаны между собой наблюдаемые лингвистические эпизоды. Данная аналогия во многом зависит *inter alia* от идеи о том, что лингвистические эпизоды являются кульминацией каузальных цепей, начало ко-

торым положили именно мысли. Но именно поэтому вполне можно допустить тождество мыслей *и их дескриптивного характера* с нейрофизиологическими эпизодами центральной нервной системы (если понимать под этим «тождеством» то, что мы обычно имеем в виду, когда говорим об отождествлении химических эпизодов с некими более сложными эпизодами, предполагающими атомные частицы).

Итак, не знаю, насколько мы продвинулись к согласию по сравнению с тем, что было в августе. Однако я надеюсь, что мне удалось прояснить некоторые моменты в моем понимании интенциональности. Должен заметить, что моя нынешняя точка зрения, какой бы приблизительной она ни была, является существенным продвижением по сравнению с тем, о чем говорилось в моих предыдущих статьях. Впрочем, надеюсь, они в целом соответствуют тем формулировкам, которые от них ускользнули.

Искренне Ваш,
Уилфрид Селларс

19 ноября 1956 г.

Уважаемый м-р Селларс,
я согласен почти со всем, что Вы написали в последнем письме (датированном, если не ошибаюсь, 19 октября). В целом, все, что я хотел сказать, содержится в тех замечаниях из моего предыдущего письма, с которыми Вы согласились. Нерешенным остается, по всей видимости, только один вопрос.

Я действительно принимаю Ваше положение B-3, особенно в том виде, который Вы придали ему в Вашем последнем письме. Иными словами, я допускаю, что люди могли бы делать семантические высказывания о вербальном поведении других людей до того, как у них возникла идея о том, что существуют мысли. Я также согласен, учитывая Ваш подход к

[1] Сейчас, в марте 1957-го, я думаю, что в каком-то смысле было не совсем верно говорить (хотя, в том, что касается моего использования этих терминов, нельзя сказать, что и ошибочно), что высказывания относительно того, о чем именно некто думает, не столько описывают, сколько *подразумевают* описание личности. И это вовсе не потому, что я отказываюсь от какого-либо положения из приведенного выше анализа, а скорее потому, что я все больше понимаю, насколько мое употребление термина «описывать» является *техническим* и отличается – в некоторых отношениях – от его обычного употребления. В продолжение этой темы см. обсуждение того, в каком смысле мир «в принципе» может быть описан без использования прескриптивных и модальных выражений, в § 78–79 моего эссе «Counterfactuals, Dispositions and the Causal Modalities». По аналогии с этим я хочу сказать, что мир «в принципе» может быть описан без ссылки на *значение* выражений или *направленность* мыслей.

анализу («из заявления о том, что x надо анализировать с точки зрения y, неверно было бы делать вывод, что у кого-то есть понятие x, но при этом отсутствует понятие y»), что из него следует Ваше положение A-12. В том, что касается обсуждаемых нами вопросов, нет смысла спорить о правильном употреблении технического термина «анализ». Однако я хотел бы заметить, что при таком понимании «анализа», мы, вероятно, уже не могли бы назвать анализом расселовское определение «кардинального числа».

В заключение хотелось бы отметить следующее. «Парадокс анализа» допускает, что люди могли бы называть определенные вещи «кубами» до того, как у них возникла идея о чем-то, что имеет шесть сторон. Воспользовавшись примером, который Гемпель позаимствовал у Нейрата[1], можно предположить, что люди могли бы знать о том, что часы правильно показывают время, до того как они узнали бы, что есть Солнце, относительно которого движется Земля, и т.д. Так что я готов согласиться с Вашим положением B-3, но именно в смысле «парадокса анализа». Неужели люди из Вашего мифа не понимают, что если семантические высказывания и имеют хоть какой-то смысл, то из них следуют и высказывания о мыслях тех, чей язык в этих высказываниях рассматривается?

С наилучшими пожеланиями,
Р.М. Чизом

Перевод с английского Г.С. Рогоняна

[1] См. : Readings in Philosophical Analysis ; H. Feige, W. Sellars (eds.). N.Y. : Appletols-Century-Crofts, 1949. P. 380.

Сведения об авторах

И.Т. Касавин – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН; e-mail: itkasavin@gmail.com.

Ю.М. Шилков (1941–2009) – специалист в области философской и культурной антропологии, профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Л.А. Маркова – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН; e-mail: markova.lyudmila2013@yandex.ru.

Л.Б. Макеева – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ ВШЭ; e-mail: l.makeeva@mail.ru.

В.П. Филатов – доктор философских наук, профессор кафедры истории западной философии Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: toptiptop@list.ru.

Д.В. Иванов – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН; e-mail: ivdmitry@mail.ru.

Д.А. Леонтьев – доктор психологических наук, доцент факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: dleon@smysl.ps.msu.su.

А.И. Швырков – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Сумского государственного университета (Украина); e-mail: info@socio.sumdu.edu.ua.

И.Ф. Михайлов – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора современной западной философии РАН; e-mail: ifmikhailov@iph.ras.ru.

А.Ю. Антоновский – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН; e-mail: antonovski@hotmail.com.

В.А. Ладов – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарной информатики Томского государственного университета; e-mail: ladov@yandex.ru.

П.С. Куслий – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН; e-mail: kusly@yandex.ru.

Е.В. Вострикова – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН; e-mail: vostrikova@iph.ras.ru.

Г.К. Ольховиков – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Уральского государственного университета им. Горького; e-mail: grigory.olkhovikov@gmail.com.

Г.С. Рогонян – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета социологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург); e-mail: rogonyan@gmail.com.